

## ФУНКЦИИ ЭПИСТОЛЯРНОГО КОМПОНЕНТА В СТРУКТУРЕ МЕМУАРНОГО НАРРАТИВА

Исмаилова Хурлиман Нажиматдиновна,  
Каракалпакский государственный университет,  
Кафедра русского языка и литературы, PhD, доцент  
[ms.khurliman@gmail.com](mailto:ms.khurliman@gmail.com)

**Аннотация.** В статье анализируется эпистолярная форма как значимый компонент мемуарно-автобиографического письма. На материале классической традиции «нома» (включая ранние памятники и эпические сюжеты) и позднейших мемуарных текстов показано, что письмо выполняет не только коммуникативную, но и структурообразующую функцию: участвует в организации сюжетно-композиционной целостности, конкретизирует историко-бытовой контекст, усиливает документальность повествования и углубляет психологическую характеристику личности. Особое внимание уделяется тому, как письма формируют пространство диалога «автор-читатель» и выступают механизмом сохранения и актуализации культурной памяти.

**Ключевые слова:** эпистолярный жанр, письмо, мемуары, автобиографический дискурс, архитектура, композиция, психологизм, читательская рецепция, культурная память.

**Annotatsiya.** Maqolada epistolyar shakl memuaravislik va avtobiografik bayonning muhim tarkibiy komponenti sifatida tahlil qilinadi. “Noma” an’anasi doirasidagi qadimiy manbalar hamda keyingi davr memuar matnlari materialida maktubning nafaqat aloqa vositasi, balki syujet-kompozitsion yaxlitlikni shakllantiruvchi strukturaviy element ekani asoslanadi. Epistolyar parchalarning tarixiy-maishiy kontekstni konkretlashtirish, bayonning hujjatlik darajasini kuchaytirish, shaxs ruhiyati va xarakterini ochishda psixologik tahlil imkoniyatlarini kengaytirishdagi o’rni yoritiladi. Shuningdek, maktublarning “muallif-o’quvchi” dialogik makonini yaratishi hamda madaniy xotirani saqlash va aktualizatsiya qilish mexanizmi sifatidagi funksiyasi ko’rsatib beriladi.

**Kalit soʻzlar:** epistolyar janr, maktub, memuar, avtobiografik diskurs, narrativ arxitektonika, kompozitsiya, psixologizm, o’quvchi retsepsiyasi, madaniy xotira.

**Abstract.** This article examines the epistolary form as a key component of memoir and autobiographical writing. Drawing on the classical “noma” tradition and later memoir narratives, it argues that letters operate not merely as a means of communication but as a structure-forming device that shapes plot and composition. Letters help specify historical and everyday contexts, strengthen the documentary dimension of narration, and deepen psychological characterization. Particular attention is paid to how epistolary inserts create an “author-reader” dialogic space and function as a mechanism for preserving and reactivating cultural memory.

**Keywords:** epistolary genre, letter, memoir, autobiographical discourse, narrative architectonics, composition, psychological representation, reader reception, cultural memory.

**Введение.** В настоящее время, говоря о ранних истоках жанра письма, можно обратиться к произведению Хоразмий «Мухаббатнома». Следует подчеркнуть, что в традиции Центральной Азии эпистолярные формы проявлялись не только в переписке народов и правителей, проживавших на данной территории: так, в эпосе «Алпомиш» Барчин, прося помощи у Хакимбек, направляет «нома» (письмо); в «Кутадгу билиг» Кундтугди-элик сообщает о своём письме, адресованном Узгурмиш, который ведёт уединённую, аскетическую жизнь в горной пещере, и выражает намерение встретиться с ним и побеседовать. Такое послание Кундтугди также представляет собой одну из форм жанра «нома» [1.94].

**Анализ литературы.** В теории психологического изображения выделяются три основные формы, к которым, в конечном счёте, восходят конкретные приёмы воплощения внутреннего мира. Две из них теоретически были разграничены русским литературоведом И.В.Страховым: «основные формы психологического анализа можно разделить на «внутреннюю» – художественное выражение внутреннего мира действующих лиц посредством внутренней речи, образов памяти и воображения; и «внешнюю» – психологическое исследование выразительных свойств речи и речевого поведения, мимики и иных внешних проявлений психики» [5.14]

В указанном контексте становится очевидно, что в мемуарно-воспоминательных текстах эпистолярный жанр выступает как важный атрибут, своеобразный «ключ», усиливающий психологический драматизм и выполняющий функцию одного из наиболее эффективных средств художественной организации.

**Методология исследования.** В исследовании применяются сравнительно-литературный, структурно-композиционный и герменевтический методы анализа. Эпистолярные фрагменты мемуарных текстов рассматриваются в контексте их функциональной роли в организации нарратива, раскрытии психологического мира личности и формировании авторско-читательского диалога. Также используется интерпретационный подход, позволяющий выявить значение эпистолярного компонента в сохранении культурной памяти и историко-литературного контекста.

**Анализ и результаты.** Действительно, жанр «нома» постепенно переходит в сферу прозаических произведений и, становясь элементом их сюжетного состава (будь то повествование о любви или о дружеских отношениях), обретает новые грани, проходя путь поступательного развития и в содержательном, и в формальном отношениях – в зависимости от того, под каким углом освещается реальность. На материале Хоразмий «Муҳаббатнома» можно также увидеть, что жанр формируется на основе социально-психологической ситуации и обусловлен конкретными обстоятельствами создания текста: произведение, как отмечается, было написано по предложению Муҳаммад Хужабек – одного из правителей, находившихся под властью золотоордынского хана Жонибекхона [1.95].

В предисловии поэмы сохраняется традиционный зачин с поминанием Всевышнего:

*Улуқ Тангрининг отин ёр эттим,  
“Муҳаббатнома”ни бунёд эттим.*

*Ики ёқту гавҳар оламга берган,  
Муҳаббат ганжини оламга берган.*

*Фалакнинг дафтаридин тунни юган,*

*Жаҳон бунёдини сув узра қўйган.*

*Етти қат зарнигор айвони мийно,  
Яратти олти кунда ҳақ таоло [1.97].*

Сам факт создания поэмы в форме «нома» важен уже потому, что в дальнейшем он создаёт предпосылки для развития прозаических форм, отражающих отдельные стороны социальной жизни и демонстрирующих переход от традиционности к нетрадиционности в принципах художественной организации. В прозаических произведениях эпистолярный элемент получает новое звучание, особенно – в системе автобиографических жанров, где письма нередко функционируют в особой форме и с иными композиционными задачами.

Так, в мемуарном тексте Х. Кадыри письма используются, по меньшей мере, для прояснения двух аспектов. Во-первых, они фиксируют впечатления А. Кадыри от поездок в Москву, его литературные контакты и формирование круга творческих друзей. Во-вторых, письма могут выступать как художественный аналог корреспонденции между персонажами внутри литературного мира. Тем самым эпистолярный материал способствует более рельефному раскрытию феномена А. Кадыри:

*“Роман нашридан кейин уйимизга турли томонлардан хатлар ёғилиб кела бошлади. Ёшлигимда келган хатларни ўқимаганман, улар сақланиб ҳам қолмаган. Аммо сўнгилари сақланиб қолмаган. Хатлар содда, самимий мулоҳаза, эътироз тарзида ёзилган. Масалан, бир хатда романни мақтаб келиб, охирида қизишиб: “Отабек номард йигит экан... Номард бўлмаса, қотил Зайнабга нега тичоқ солиб юбормади...” деб муаллифга “айб” қўйилади. Иккинчидан “Сиз ҳруматли ёзувчимиз томонидан ёзилган” “Ўткан кунлар” романингизни “служба” қилиб юрган вақтимда ўқиб чиқдим ва бошқа жангчи ўртоқларимга ҳикоя қилиб бердим. Рус ўртоқларим шу романингизни ўз она тилларига таржима қилинмаганига афсусландилар” дейилади. (Қодирий вафотидан кейинги хатларнинг ҳам аксарийси у кишини ҳаёт билиб, муаллифга қарата ёзилган). Яна бир хатда: “Ўткан кунлар”, “Меҳробдан чаён”, “Обид кетмон” романларини бир неча марталаб ўқиган бўлишимизга қарамай, яна ушбу китобларга беихтиёр қўлимиз чўзилаверади”, дейилади” [2.113-114].*

В главе «Хатлар, нашрлар, таржималар» («Письма, издания, переводы») мемуарного произведения «Отам ҳақида» («Об отце») автор мемуаров синтезирует наиболее выразительные образцы писем. На их основе выявляются уникальные качества А. Кадыри – как человека и личности, как творца и как отца; обнаруживается его подлинная гражданская позиция. Особенно показательно, что в философско-психологической концепции бесед и писем, приводимых в воспоминаниях сына, прослеживается и отношение к общечеловеческим идеям. В

пределах этой главы автор объединяет «смешанные» литературные формы, характерные для возможностей автобиографического жанра, и тем самым передаёт многокрасочную панораму действительности вокруг центрального героя – как реально бывшей, так и вероятно реконструируемой.

Существенно и то, что в тексте с удовлетворением фиксируются: интенсивная литературная деятельность А. Кадыри; «горение» личности национальной болью; привычка мысленно конструировать архитектонику будущих произведений, выстраивая её «внутри жизни» и «среди людей»; а также отклики и предложения со стороны интеллигентской среды.

Письма, поступившие уже после смерти А. Кадыри и написанные читателями, проникшимися любовью к героям романа «Минувшие дни», можно рассматривать как особую форму опосредованного общения с писателем – через его произведение. Одно из таких писем было получено в 1961 году от молодой читательницы по имени Люда Неломняше; в нём выражены и слова благодарности автору, и читательское отношение к персонажам романа:

*“Мана қўлимда “Ўтган кунлар”нинг сўнги саҳифаси... Уни икки кун ўқидим. Тасвирланмиш “воқеа”нинг иштирокчиси бўлдим. Абдулла Қодирий! Биласизми, китобингизнинг севимли қаҳрамонлари биридан жудолашмиш менга нақадар оғир! Воқеа ўтмишдир, шундай эса-да, у менинг юрагимда сира-сира унутилмас таассурот қолдирди ва ишонтира оламанки, бу таассурот ҳамма китобхонларда ҳам бирдайдир... Шу кунгача менга номингиз таниш эмасди. Энди “Ўтган кунлар”нинг ҳар бир сатрини, умуман асарларингизнинг ҳаммасини қайта-қайта ўқишга тайёрман. Ахир Отабекни севмаслик мумкинми! Отабек каби ажойиб йигитлар ҳозирги кунимизда ҳам кўп-кўп бўлишини истардим. Кумуш ва унинг ота-оналари-чи? жуда яхши тасвирланган. Аммо у ерда ҳукм сурган баъзи одатлар менга жуда қизиқ, галати туюлди. Отабекнинг ота-онаси томонидан, иккинчи уйланишга мажбур этилиш ерларини ўқир эканман, чиндан-да аччиғландим, газабландим. Ахир бу қандай зўрлик, адолатсизлик! Охир, бу зўрлик оқибати нима билан тугади? Бундай ҳам беъмани қонун-одатлар бўларкан-ку. Отабек тақдири шундай фожиа билан тугаши жуда оғир, қайғули, аламли...” [2.115]*

Искренность данного письма, написанного живым читательским голосом, демонстрирует многоаспектность мемуарного повествования: в нём сочетаются и эпоха, и оценка позиции автора, и индивидуальные впечатления читателя, что свидетельствует о расширении функционального поля эпистолярного жанра. Отбирая письма, Х. Кадыри, по сути, не упускает из внимания два принципиально важных аспекта: с одной стороны, письма оценивают А. Кадыри как автора зрелого художественного произведения, отмечая его психологическую уравновешенность и мастерство типизации характеров – то критически, то с высокой оценкой; с другой стороны, читательская реакция обнаруживает болезненное восприятие отдельных

национально-ментальных черт и традиций, задающих драматизм сюжетных узлов. В письме читательница не только эмоционально реагирует на сюжет, но и демонстрирует понимание причинно-следственных связей, указывая на некоторые явления, ведущие к трагическому исходу, и фиксируя их разрушительный эффект.

Интерпретация подобных эпистолярных материалов в логике «бағрикенглик» (широты понимания, толерантности) закономерно создаёт условия для более глубокого проникновения в психологический мир – как автора, так и воспринимающего читателя. Единство писателя и героя, а также соприсутствие читателя «внутри» художественной реальности выводят мемуарную структуру на расширенный масштаб и побуждают к более углублённому осмыслению роли письма в архитектонике воспоминаний.

Высказанные положения поддерживаются и наблюдениями Б. Каримова: «Каждый прошедший день, каждая ушедшая эпоха превращаются в историю, в память. Однако по мере увеличения дистанции воспоминания остывают, тускнеют и могут стираться. Особенно показательно, что если воспоминания об деятелях творчества оказываются искусственными, вымышленными и неестественными, то, даже будучи помещёнными в роскошные издания, они всё равно забываются. Для того чтобы имя творца навсегда закрепилось в памяти человечества, прежде всего необходимы произведения – литературные жемчужины, которые читатели будут находить, любить, перечитывать, переживать, радоваться и плакать над ними» [3.32].

Действительно, в мемуарах «Об отце» письма показаны как органическое продолжение повседневности и как яркие маркеры чувств, «дремлющих» в слоях сознания. Тем самым текст побуждает к следованию важному литературному принципу: с течением времени бескорыстные отношения и искренние человеческие реакции неизбежно получают свою подлинную ценность.

Показательно, что эпистолярный материал играет значимую роль и в других мемуарных корпусах. Так, в письмах чуткого поэта, романиста и литературоведа Ойбека (Мусо Тошмухаммад угли) и в «нома» З. Саидносирова, адресованных супругу, отражается симфония многочисленных внутренних переживаний лирического поэта. Ойбек выступает не только как лирик, но и как романист, глубоко постигающий жизненную правду; с молодости он обнаруживает многогранность собственной творческой деятельности. В мемуарах З. Саидносирова это проявляется, в частности, в её способности обобщать особенности эпистолярного жанра и мастерски встраивать письма в сюжетные сегменты:

*“Ойбек негадир бу сафар мени излаб хат ёзган эди. Эркалагани бўла керак, дедим ўзимча. У согинса-да, ёнида ўртоқлари бор; куни бўйи банд... югур-югур... Мен эсам заводдан келгач, хужрамга тиқилиб оламан. Фақат унинг хаёли ила ўзимни овутаман. Етим қиздай ҳис қиламан, ўзимни... Хат кутаман... Кўзларимдан*

*ёш тўқилмайди, холос... Заводда ҳар куни ярим литрли икки шишадан сут берадилар. Ярим литр сутни заводда, ярим литрини кечқурун меҳмонхонада ичаман. Қаймоқли, қуюқ сут. Шу сутдан семира бошладим деб, ўйлайман. Ойбекдан яна хат олдим. Бу хат ҳам хотира дафтаримни безаб турибди...*" [4.56]

В тайной переписке супругов проявляются чувства и переживания, которые не выносятся на публичный уровень; фиксируются и позитивные, и негативные реакции окружающих на отношения молодых людей. Во многих письмах заметна сила техники выражения через стихотворную форму: поэтические строки, написанные в тоске по любимой, свидетельствуют о расцвете яркого таланта. В письмах Ойбека устойчиво обнаруживаются два смысловых акцента: 1) искренность и высота чувства к будущей супруге, выраженные через доброжелательность, юмор и внимание к её душевному состоянию; 2) единство лирико-философских жизненных переживаний с социальной ролью главы семьи, культурой общения, наблюдательностью и отношением к индивидуальности детей уже в период семейной жизни.

Эти особенности позволяют рассматривать письма как материал, через который реконструируется и психика творца, и потенциальные сюжето-композиционные ходы будущих произведений, и образ желаемого будущего. Из мемуарного контекста ясно и то, что Ойбек в молодости часто болел, а забота о нём в различных обстоятельствах во многом ложилась на З. Саидносирова; данное обстоятельство отражается и в логике будущих стихотворных текстов. Непростота жизненного пути, периодически возникающие «дилхиралик» (тревожные, подавляющие состояния) – всё это заставляет увидеть, как внутренние мечты «вспархивают» и обостряются в сознании человека большого сердца. При этом, на первый взгляд, между Ойбеком, живущим в эмоциональном пространстве писем, и Ойбеком, живущим в пространстве романов, существует существенная дистанция. Однако Ойбек не является творцом, уходящим от жизненной правды: его мысли и тревоги соотносятся с идеей благополучной и счастливой жизни народа.

Первую форму психологического изображения условно назовём прямой, а вторую – косвенной, поскольку во втором случае внутренний мир героя раскрывается не непосредственно, а через внешние признаки его состояния:

*“Зарифа!*

*Сен жўнагач, бўшашиб уйга қайтдим. Китобимни олиб, мутолаага киришдим. Фақат ишим жуда унумсиз борди. Бир саҳифа битгач, фикрим тўхтайди, кўзимга саҳрода югуриб кетаётган поезд ва унинг қатор уйларида бирида – “купе”да сени турли вазиятда кўраман. Бундай ҳол узоқ бормади. Ҳидоят ва Фани ўртоқлар келишиб қолди. (30-да соат 12 да келишган эканлар). Узоқ замон суҳбатлашиб ўтирдик. Олиб келган узум ачиб-бижиб кетибди, еб бўлмади. Шу кунларда соат 5 га қадар Госпланда бўламан. Кечалари ҳам жиддий ўқиш билан машғулман. Дам*

*аразлашиб, дам ярашиб, арзимаган нарсалар устида тортишишимизни согиндим. Бундай майда-чуйдалар кишини овулар экан. Ҳозир сен Галя билан сўзлашиб борасан, эрта Тошкентда бўлсанг керак. Менинг бу хатим етгунча анча-мунча ишларингни битириб қўясан. Шунинг учун қуйидагиларни ёза берай: Уйда қандай ўзгаришлар бор? Ҳозир кимлар туради? Бизнинг ҳовлига боргандирсан, отам шундами ёки қишлоқда? Кичкина Шарифа ҳаётми ёки “жаннат қуши” бўлиб учиб юрибдими? [4.88]*

Искренность автора перед читателем, его способность говорить правду прямо и фиксировать пережитое именно так, как оно было прожито, – качество, доступное далеко не каждому. Подводя итог пройденным жизненным этапам, мемуарист подчёркивает уникальную «реальность» каждого дня и его неповторимую ценность. Подобные жизненные признания могут принадлежать, как правило, лишь личностям стойким, внутренне свободным, способным выдержать «низины и высоты» судьбы, несправедливость и удары жизни. В переписке З. Саидносирова и Ойбека отчётливо проявляются этапы становления творца: круг чтения, сфера интересов и, главное, значимость проблем, которыми он живёт. Так, Ойбек предстаёт как человек большого духа, способный преодолеть упадок через письмо и чтение; его сила в том, что даже в тяжёлых обстоятельствах он сохраняет спокойствие, терпение и редкую способность к прощению. В мемуарах З. Саидносирова многократно отмечается и то, что постоянные жизненные потрясения, переживаемые супругом, существенно влияли на его здоровье и превращались в хроническую боль. Поэтому образ Ойбека раскрывается как образ мудрого творца и деятеля, привыкшего проживать жизнь в труде, стойкости и выносливости.

Психологическая деталь материализует внутренний мир человека. Колебания души – невозможность выразить мысль до конца и переход к намёку; элементы «невербального диалога»; кинесические состояния (жест, мимика, пантомимика), а также паралингвистические элементы (смех, плач, темп речи) – всё это выступает формами психологической детали (И.В. Страхов) либо деталями динамического портрета персонажа (мимика, пластика, значимые движения, обращённая к собеседнику речь, физиологические изменения). Такой тип детали, соотнесённый с обобщённо-знаковой формой психического описания, А.П. Скафтимов обозначает как «вербальное (словесное) обозначение чувств» [6.95].

Действительно, в основе творчества Ойбека – образ «кўнгил» (сердца, внутреннего чувства). Этот образ создаёт возможности для художественного проявления психических переживаний и глубоких, внутренне-экзистенциальных страданий:

*“Бир куни ёзувчилар дўконида Абдулла Қодирийни учратдим. – Зарифахон, асал бермоқдалар. Аммо менга даркори йўқ – богимда асалари сақлайман. Сиз олинг! – деди у. Абдулла Қодирий 20-йиллардаёқ халқ ўртасида*

*машхур бўлган ёзувчи эди. У Ойбекни астойдил ҳурмат қилар, шу тўғайли ўз насибасини бизга инъом этмоқчи бўлган эди, ўшанда. Ўша куни унинг ҳиссасини олдимми йўқми - ёдимда йўқ. Абдулла Қодирийнинг кўркемгина, шинам богчаси бор эди. Биз Ойбек икковимиз майда-чуйда нарсаларни харид қилиш учун бозорга элтиши-да унга ярашар эди. Кўринишдан у ҳийла кўрс ва тўнг одам эди. Лекин кўнгилга ёққан кишилар билан хуш муомала бўлар, уларга илтифот кўрсатар эди...*" [4.153]

В данном фрагменте З. Саидносирова, намечая штрихи к портрету А. Кадыри, одновременно выражает его справедливое и уважительное отношение к Ойбеку. А.Кадыри, уловивший мастерство Ойбека в произведениях, рождаемых как плод большой любви, символически проявляет и собственную заботу о других – даже в образе «одной чаши мёда», демонстрируя готовность делиться и поддерживать. На этом фоне жизненная линия Ойбека выглядит особенно драматично: тяжёлые условия существования, увольнение, поток наветов и клеветы – как цепь испытаний, обрушивающихся на семью.

**Заключение.** В мемуарах, не случайно названных «Ойбегим менинг», З.Саидносирова выражает боль и сожаление, нанизывая переживания, подобно жемчужинам на нить. Такая интонация усиливает поэтическую ценность мемуарного текста и упорядочивает сюжетные сегменты. Разумеется, наличие эмоционально насыщенных эпизодов в мемуарах закономерно: мемуарист, фиксируя прожитое, не скрывает ни симпатий, ни противоречивости эпохи, ни светлых впечатлений, открыто разделяя их с читателем.

#### Список литературы:

1. Ўзбек мумтоз адабиёти намуналари. – Тошкент: “ФАН”, 2007. – 288 б.
2. Қодирий Х. Отам ҳақида. – Т.: “Адабиёт ва санъат”, 1983. – 180 б.
3. Каримов, Б. Абдулла Қодирий феномени. – Тошкент: “Info Capital Group”, 2019. – Б. 324.
4. Саидносирова, З. Ойбегим менинг. – Т: “Шарқ”, 2005. – 270 б.
5. Страхов, И. В. Психологический анализ в литературном творчестве: пособие для студентов (в 5 ч.). – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1973. – Ч. 1. – С. 14.
6. Скафтымов, А. П. Нравственные искания русских писателей. – Москва, 1972. – С. 437.
7. Хурлиман Нажиматдиновна Исмаилова СОДЕРЖАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ МЕДИАТЕКСТА // Academic research in educational sciences. 2022. № 12.
8. Х. Н. Исмаилова ВЕЛИКАЯ «ХАМСА» (ПЯТЕРИЦА) А. НАВОИ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОРЫВ ТЮРКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ // SARJIS. 2021. № 2.
9. Х. Н. Исмаилова ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В «ПЯТЕРИЦЕ» АЛИШЕРА НАВОИ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ «СМЯТЕНИЕ ПРАВЕДНЫХ») // SARJIS. 2021. № 2.
10. Х. Н. Исмаилова СТАНОВЛЕНИЕ ВЕЛИКОГО ГЕНИЯ УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АЛИШЕРА НАВОИ // SARJIS. 2021. № 2.
11. Ismailova, K. (2023). INTERPRETATION OF MODIFICATION OF ARTISTIC COMPONENTS. Mental Enlightenment Scientific-Methodological Journal, 4(04).
12. Ismailova, X. (2024). SYSTEM OF COMPOSITIONAL UNITS IN THE WORK OF O. UMARBEKOV. Mental Enlightenment Scientific-Methodological Journal, 5(07), 75–83.